

ВЛАДИМИР МУРАВЬЕВ

ИСТОРИЯ МОСКВЫ

В ПОСЛОВИЦАХ И ПОГОВОРКАХ

Владимир Брониславович Муравьев

История Москвы в пословицах и поговорках

*Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67950314*

*История Москвы в пословицах и поговорках: Алгоритм-Книга; Москва;
2007*

ISBN 978-5-00180-654-7

Аннотация

Кто в Москве не бывал, красоты не видал; наша Москва – городам краса; Москва бьет с носка; Москва слезам не верит; в Москву бресть – последнюю деньгу снести... – эти и десятки других чисто московских пословиц и поговорок, знакомых нам с детства, как нельзя лучше рисуют образ белокаменной метким словом живой речи. За этими крылатыми выражениями, дошедшими до нас из глубины веков, зачастую сокрыты исторические события, имена, а также старинные обычаи и черты исконно московского быта и нрава.

Книгу известного знатока истории нашей столицы Владимира Муравьева о заветных русских пословицах, чье происхождение связано с Москвой, с интересом прочтут школьники и, несомненно, используют учителя на уроках москвоведения.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Предисловие	5
И кто про то знал, что Москве царством быти, и кто ведал, что Москве государством слыти?	10
Предание об основании Москвы князем Юрием Долгоруким	16
Вещий Олег – основатель Москвы	19
Мосох и жена его Ква	22
Предание о великом князе Даниле Ивановиче и пречудном звере	25
Название реки – имя города	35
Москва первопрестольная	39
Конец ознакомительного фрагмента.	46

**Владимир
Брониславович Муравьев
История Москвы в
пословицах и поговорках**

*** * ***

© Муравьев В. Б., 2007

© ООО «Алгоритм-Книга», 2007

Предисловие

Эта книга о том, что можно узнать об истории Москвы из пословиц и поговорок.

Николай Михайлович Карамзин, автор двенадцатитомной «Истории государства Российского», в предисловии к ней перечисляет различные источники, откуда он черпал сведения для своего труда: летописи, старинные грамоты, дипломатические документы, жития святых, записки современников, родословные росписи и другие.

Среди этих источников он также называет пословицы и поговорки и не раз в своей «Истории» приводит их как свидетельство современника о том или ином событии.

«Россия имела особенную систему нравоучения в своих народных пословицах, – пишет Карамзин. – Ныне умники *пишут*; в старину *только говорили*; опыты, наблюдения, достопамятные мысли в век малограмотный сообщались изустно. Ныне живут мертвые в книгах, тогда жили в пословицах. Все хорошо продуманное, сильно сказанное передавалось из рода в род. Мы легко забываем читанное, зная, что в случае нужды можем опять развернуть книгу; но предки наши помнили слышанное, ибо забвением могли навсегда утратить счастливую мысль или сведение любопытное. Добрый купец, боярин, редко грамотный, любил внучатам своим твердить умное слово деда его, которое обращалось в семей-

ственную пословицу. Так разум человеческий в самом величайшем стеснении находит какой-нибудь способ действовать, подобно как река, запертая скалою, ищет тока хотя под землею или сквозь камни сочится мелкими ручейками».

В пословицах и поговорках народ отразил все стороны своей жизни и дал в них нравственную оценку и практические советы, как следует поступать в различных обстоятельствах.

Собственно говоря, пословица и поговорка – это частица живой речи, меткое словцо, родившееся в разговоре, в споре. И если в этом высказывании содержатся верное наблюдение, точная оценка, если оно говорит о том, что характерно и волнует многих людей, то его запоминают, пересказывают знакомым, оно подхватывается современниками и сохраняется в памяти поколений.

Среди огромного моря русских пословиц и поговорок особое место занимают *исторические*, содержание которых связано с событиями истории и историческими именами.

Эта книга, как и говорит ее название «История Москвы в пословицах и поговорках», посвящена тем пословицам и поговоркам, происхождение которых связано с Москвой.

Пословицами и поговорками в истории Москвы отмечено многое. Поводом для одних послужили исторические события, разыгравшиеся в Москве: за поговоркой «*Шемякин суд*» встают драматические события первой половины XV века – междоусобная война между князьями за московский пре-

стол; за пословицей *«Делу время, а потехе час»* ярко вырисовывается образ царя Алексея Михайловича; пословица *«У семи нянек дитя без глаза»* рассказывает об одном из самых драматических эпизодов Смутного времени начала XVII века; а известная пословица-присловье *«И кто про то знал, что Москве царством быти, и кто ведал, что Москве госу-дарством слыти?»* поднимает один из самых загадочных и интересных вопросов в истории Москвы – вопрос о ее основании и основателе...

Другие пословицы и поговорки напоминают о старинных московских обычаях, нравах, замечательных памятниках. Пословица *«В поле две воли: кому Бог поможет»* имеет в виду старинный обычай судебных поединков, так красочно описанных в романе А. К. Толстого «Князь Серебряный» и в поэме М. Ю. Лермонтова «Песня про купца Калашникова»; поговорку *«Дороже Каменного моста»* породила история его строительства; пословица *«Выпей чайку – забудешь тоску»* подводит итог замечательному обычаю московского чаепития, по своей замысловатости и философскому содержанию не уступающему китайской чайной церемонии...

Пословицы и поговорки кратки, но они в нескольких словах, а иногда и одним словом схватывают самую главную черту, сторону, внутреннюю суть события, явления, характера исторического деятеля. Поэтому пословицу и поговорку можно уподобить кончику нити, потянув за который распу-таешь сложнейшие исторические хитросплетения, или клю-

чу, который отпирает дверь в ту эпоху, откуда пословица или поговорка пришла.

В книге автор рассказывает о том, что стоит за пословицей, какие события, какие исторические персонажи, какие обычаи, то есть какие факты послужили поводом для ее создания.

Многие из этих пословиц читатели почти наверняка знают с детства, но не связывают их с тем, что изучают на уроках москвоведения, а услышанное на уроке – с давно знакомой пословицей или поговоркой. А вот когда пословица соединится с историческим фактом, то она не только станет интереснее, но и запомнится, как запоминалась нашими далекими предками, и новыми гранями засверкает ее *счастливая мысль или сведение любопытное*.

Автор собрал здесь лишь часть исторических пословиц о Москве. Их еще много разбросано по страницам старых книг и журналов, а еще больше, как им и полагается, ходит по миру и передается из уст в уста.

Читателям, заинтересовавшимся происхождением пословиц для дополнительного чтения и изучения, рекомендуются следующие книги: В. И. Даль «Пословицы русского народа», С. В. Максимов «Крылатые слова» (эти книги не раз переиздавались), «Большой словарь крылатых слов русского языка» (авторы В. П. Берков, В. М. Мокиенко, С. Г. Шулешкова. М., 2000 г.). Но главное – попробуйте вспомнить сами и попросите родных и знакомых припомнить такие пословицы.

Автор будет вам очень благодарен, если своими находками вы поделитесь с ним, чтобы эти пословицы о Москве он мог включить в следующее издание книги.

**И кто про то
знал, что Москве царством
быти, и кто ведал, что
Москве государством слыти?**

В истории Москвы много тайн, больших и малых, привле-

кающих общих интерес и любопытных лишь для узкого круга людей или даже одного-единственного человека. Но есть две московские тайны, с которыми рано или поздно обязательно встречается каждый москвич на первой же странице истории Москвы.

Первая тайна: когда, как и кем была основана Москва и сколько ей лет.

Вторая тайна: что значит слово «Москва».

Главный московский археолог Александр Григорьевич Векслер, когда ему задают вопрос, сколько лет Москве, таинственно улыбаясь, отвечает: «Много».

Действительно, серьезный ученый, каким является Векслер, может только улыбнуться на этот вопрос. Ради ответа на него собрано огромное количество разнообразных сведений, но все они, к сожалению, не дают возможности назвать точную и определенную дату основания нашего города.

Известная московская поговорка-присловье «И кто про то знал, что Москве царством быти, и кто ведал, что Москве государством слыти?» по своему складу и ритму, видимо, зачин какой-то не дошедшей до нас былины. Повести XVII века, пересказывающие легенды о возникновении Москвы, повторяют ее как цитату, к тому времени, видимо, уже вошедшую в поговорку. В письменных документах начальная история Москвы отражена очень скупо. В Ипатьевской летописи XV века, называющейся так по месту хранения в библиотеке Ипатьевского монастыря, под 1147 годом записано

известие о том, что суздальский князь Юрий Владимирович Долгорукий пригласил своего союзника новгород-северского князя Святослава Ольговича «в Московъ» – селение, находившееся на юго-западной окраине Суздальского княжества. При встрече князя «любезно целовастася», и хозяин дал гостю «обед силен». Это самое первое упоминание названия «Москва» в русских письменных источниках.

В другой летописи, Тверской, составленной в XVII веке (на основе более ранних летописей), говорится, что в 1156 году «князь великий (в то время он был уже киевским князем. – В. М.) Юрий Володимерич заложи град Москву на уст ниже Неглинны, выше реки Аузы». Сообщение вызывает сомнение, некоторые ученые считают, что оно было вписано позднее, потому что другие летописи того времени не говорят о поездке в этом году Долгорукого из Киева в Суздаль.

Двумя краткими сообщениями и ограничиваются письменные документальные сведения о первоначальной Москве. Археологические же находки свидетельствуют о заселении человеком территории Оки и Москвы-реки в гораздо более раннее, нежели в летописных известиях, время. Конечно, хорошо бы найти сочинение той поры, о которой говорит былинная поговорка, – летопись, хронику, описание, повесть! Может быть, оно и лежит где-нибудь, счастливо сохранившееся среди войн и нашествий, пожаров и наводнений. Вечная мечта историка, которая иногда (к сожалению, очень редко!) сбывается.

Но поскольку документальных сведений об основании Москвы очень мало, практически нет, то их место занимают старинные устные предания и сочинения ученых книжников – фантастические легенды.

Характеристикой тех или других выдающийся русский историк и москвовед XIX – начала XX века Иван Егорович Забелин начинает в «Истории города Москвы» главу «Сказания о начале Москвы». «Когда и как исперва произошло начало Москвы, – пишет он, – когда и как она зародилась на своем месте, об этом книжные люди стали гадать и рассуждать только с той поры, когда Москва явилась сильною и славною, царствующим великим городом, крепким и могущественным государством, когда у книжных людей, из сознания этого могущества, сами собою стали возникать вопросы и запросы, как это случилось, что Москва-город стала царством-государством?

Таким именно вопросом начинается одно из сказаний о ее начале, более других сохраняющее в себе несомненные следы народных эпических преданий. Ответом на этот вопрос, конечно, могли появиться только одни неученые и, так сказать, деревенские гадания по смутным преданиям или же, с другой стороны, ученые измышления по источникам старой книжности. Так и исполнилось».

В сказаниях о начале Москвы основателями города, кроме князя Юрия Долгорукого, называются и другие лица, указываются разные даты, отличаются предания друг от друга

и по сюжету. Н. М. Карамзин называл их «сказками», правда, признавая, что они «основаны на древнем, истинном предании». Но истинное в них так перемешано со сказкой, что выделить достоверные исторические сведения почти невозможно.

Предания «О зачале царствующего великого града Москвы» (как они называются в рукописях) пользовались популярностью у московских любителей чтения, поэтому до нашего времени они сохранились во многих копиях.

Можно представить, через какое огромное количество сказителей прошли эти древние предания до того, как их записал московский грамотей XVII века. Что-то забывалось, другое, становясь непонятным, переосмысливалось и переделывалось, непривычное имя заменялось привычным, а что-то, для красоты и занимательности повествования, присочинялось сказителем.

Николай Михайлович Карамзин в списке источников, которыми он пользовался для написания «Истории государства Российского», называет среди прочих также «сказки, песни, пословицы: источник скудный, однако ж не совсем бесполезный». Так попробуем в «сказках» – преданиях об основании Москвы, записанных в XVII веке, как бы далеко ни ушли они от первоисточника, обнаружить исторические сведения о тех временах и событиях, когда еще никто не знал, что Москве царством быти... А для того обратимся к «сказочным» сюжетам об основании Москвы, которые

к концу XVII века еще сохранялись в памяти москвичей.

Предание об основании Москвы князем Юрием Долгоруким

В 1156 (или 1158) году великий князь киевский Юрий Долгорукий ехал из Киева во Владимир навестить своего сына князя владимирского Андрея Юрьевича и наехал на те места, где ныне стоит царствующий град Москва.

А владел ими некий богатый и славный боярин Степан Иванович прозванием Кучка. Двор он поставил на холме между трех рек – Москвы-реки, Неглинной и Яузы, а вокруг двора были его села. Потянулись к нему люди из разных мест, стали села расти, и он подумал: «Буду я равен князю, а то и больше его».

Поэтому, когда приехал к нему Юрий Долгорукий, Кучка не почтил его той честью, какая положена великому князю, но даже стал поносить его, грозить ему и выставил против княжеской дружины своих слуг. Юрий Долгорукий рассердился, приказал воинам схватить Кучку и привести к нему. Вокруг двора Кучки не было ни стен каменных, ни острога деревянного. Недолго бились Кучка и его слуги, взяли княжеские воины приступом двор, заняли красные села и слободы, пленили самого боярина и его детей. Кучку за его бесчинное ругательство Юрий Долгорукий повелел предать смерти, а малолетних его детей – двух сыновей и дочь – отослал во Владимир к своему сыну. Сам же великий князь

Юрий Долгорукий взошел на высокий берег Москвы-реки, на холм, позднее названный Боровицким, оглядел все вокруг по ту и другую сторону: и по Неглинной реке, и по Яузе. Очень ему это место понравилось, и повелел он на этом месте ставить крепость – город мал, деревян, то есть окруженный деревянными стенами. Назвал же князь его Москва-град по имени реки, текущей под ним.

Придя во Владимир, князь Юрий Долгорукий заповедал своему сыну князю Андрею город Москву людьми населять и посадами распространять.

Такова легенда, названная в рукописи XVII века «Повестью о зачале Москвы».

В XVIII веке историк В. Н. Татищев нашел рукопись «Повести о зачале Москвы», в которой об этом же событии рассказано по-иному. В ней говорится, что у Кучки была жена-красавица. Она приглянулась князю Юрию, он сделал ее своею «полюбовницей» – это и послужило истинной причиной ссоры Кучки с Юрием, а потом и казни боярина.

Н. М. Карамзин по поводу этого варианта сюжета заметил: «Любовь, которая разрушила Трою, построила нашу столицу» – и предложил художникам написать сентиментальную картину на эту тему: «Мне хотелось бы представить начало Москвы ландшафтом – луг, реку, приятное зрелище строения... Князь Юрий, который движением руки показывает, что тут будет великий город. Молодые вельможи занимают-ся ловлей зверей... Но вдали, среди крестов кладбища, ху-

дожник может изобразить человека в глубоких, печальных размышлениях... Мы угадали бы, кто он, вспомнили бы трагический конец любовного романа, — и тень меланхолии не испортила бы действия картины».

Вещий Олег – основатель Москвы

Некоторые списки XVII века «Повести о зачале Москвы» содержат как дополнение цитату из неизвестной летописи, о которой сказано только: «ин (то есть иной. – В. М.) летописец повествует». А повествует он о том, что Москву основал Вещий Олег: «Лета 6388-го (880 г.)... Олыг приде на Москву реку, в нея же текут Неглинна да Яуза, и постави ту град именова Москва». Историки дружно отвергли это летописное сообщение об основании Москвы Олегом и объявили его подделкой.

Однако романтический образ Вещего Олега, несмотря на критику историков, вызвал интерес у неискушенных любителей истории. Императрица Екатерина II в 1786 году сочинила для представления на Театре в Эрмитаже историческую пьесу «Начальное управление Олега», жанр которой она определила как «подражание Шекспиру», и включила в нее сцену основания Москвы Олегом. Центральным эпизодом сочинения Екатерины является сцена торжественной закладки города. Вот как представляла эту церемонию императрица.

«Жрецы с огнем и с первым камнем для закладывания Москвы, Олег, Добрынин, Рулав, Стемид, Лидул, Радмир, вельможи, народное множество. Жрецы первый камень для закладывания Москвы приносят Олегу.

Первый жрец (Олегу). Чтоб камень сей класть во основание града, потребно теперь знать, как, князь Олег, велишь назвать сей град?

Олег. Да именуется сей град Москва; для устройства же определяю в нем начальником свойственника моего Радмира.

Радмир. С усердием стараться буду выполнить твою волю, милостивейший государь.

Второй жрец. По всем приметам сей град будет некогда обширен и знаменит.

Олег. Не всегда веру подавать можно приметам: они обманчивы.

Первый жрец. Однако дождь шел от заката солнечного во всю ночь, при восходе же видны были стаи разных птиц, кои слетелись отовсюду и сели на луга, где клевали непрестанно насекомых, выходящих от мокроты из подземных своих жилищ.

Олег. Что же это значит?

Второй жрец. Дождь хотя значит богатство, изобилие, но великое разлитие оказывает затруднение; стаи птиц родов разных знаменуют, что сие место служить имеет народным убежищем и соединением во времена опасныя.

Олег. Хорошо. В добрый час приступим к начальному созидаанию.

(Камень жрецы кладут и заделывают во основание; орел летит через них.)

Первый жрец. Орел летит через град сей не понапрасну.

Стемид. О, коль приятно видеть, что здесь держатся древнего обычая!»

Тогда же пьеса Екатерины II «Начальное управление Олега» была издана отдельной книжкой и снабжена гравюрой, на которой было изображено все то, что описала императрица: и закладной камень, и жрецы, и Олег, и орел...

И хотя подлинность летописного свидетельства вызывала споры, сама возможность основания города Вещим Олегом не может быть полностью исключена. Летописец Нестор в «Повести временных лет» сообщает, правда, не упоминая Москвы, что Олег «нача города ставити». Собирая дань с племени меря, князь вполне мог проходить через нынешние московские земли и возводить там небольшие укрепления.

И. Е. Забелин также допускал, что князь Олег мог по пути в Ростов Великий «на таком выгодном для селитьбы месте выстроить небольшой городок, если такой городок не существовал еще и до времен Олега».

Мосох и жена его Ква

В конце XVII века вниманию любознательных читателей было предложено сочинение ученого монаха Тимофея Каменевича-Рвовского о начале города Москвы и о происхождении его названия.

Главная, исходная мысль сочинения Каменевича принадлежала не ему. Ее уже не раз высказывали польские хронисты XVI века, а также киевские ученые, в частности, популярнейший в славянских странах монах-историк первой половины XVII века Иннокентий Гизель. Тогда имела всеобщее распространение библейская схема происхождения народов от трех сыновей Ноя – единственного человека на земле, спасенного за его праведность Богом при Всемирном потопе: восточные народы произошли от его сына Сима, южные – от Хама, северные и западные – от Иафета. Внуки Ноя также стали прародителями некоторых народов, праотцем народа Московии был назван шестой сын Иафета – Мосох.

Мосох Иафетович, как повествует Каменевич, пришел в землю, где мы ныне жительствоуем, и поселился на преднайвысочайшем и всепрекрасном месте над двумя реками. Реки были безымянные. Большую реку он назвал, сложив свое имя и имя жены своей, прекрасной Квы, Москвою-рекою, а меньшую, впадающую в большую, по имени сына своего Я и дочери Вузы, прибывших с ним, – Явузой. «И созда де тогда

Мосох князь и градец себе малый над предвысоцей горе той, над устий Явузы реки, – продолжает рассказ Каменевич, – на месте оном первоприбытном своем именно Московском, идеже и днесь стоит на горе оной церковь каменная святаго и великаго мученика Никиты, бесов мучителя и от верных человек тех прогонителя».

Каменевич был уроженцем Москвы и, наверное, знал какое-то московское предание, что древнейший градец находился не на Боровицком холме, как о том говорит легенда об основании Москвы Юрием Долгоруким, но на другом месте.

Примитивная фантазия сочинения о библейском Мосохе как основателе Москвы, к тому же «обогащенная» вымышленными автором новыми, якобы библейскими, персонажами – его женой Квой и детьми Я и Вузой, была ясна еще современникам Каменевича-Рвовского. В одном из списков XVII века после рассказа о приходе Мосоха в Москву есть такое примечание летописца: «Несть сие полезно и не правдиво».

Но, не принимая всерьез эту этимологию, почти все пишущие о московской топонимике обязательно пересказывают сочинение Каменевича, поэтому из всех версий происхождения названия «Москва» именно эта – самая известная. Популярность легенды объясняется не только занимательностью сюжета. Безусловно, гордости москвичей льстит доказательство древности их города.

По легенде о Мосохе Москва является самым древним

городом мира: Всемирный потоп, по расчетам богословов, произошел в 3213 году до нашей эры, значит, Москве, основанной лет через пятьдесят после потопа, примерно 5150 лет.

Но если в своей сюжетно-мифологической части «Сказание» Каменевича-Рвовского воспринимается как беллетристический вымысел, то в исторической части оно содержит ценнейшее указание на подлинный факт – конкретное место расположения древнейшего «малого градца», первоначального московского городского поселения.

Церковь Никиты мученика сохранилась до сих пор, она стоит на холме над Яузой и Москвой-рекой на Гончарной улице за высотным зданием на Котельнической набережной.

Предание о великом князе Даниле Ивановиче и пречудном звере

В рукописном сборнике XVII века оно называется «О создании царствующего града Москвы». Но переписчик после названия поставил не точку, а запятую, продолжив его любопытным примечанием: «Кое правее (то есть правдивее. – *В. М.*) всех сказаний известно, чти сие».

Такие приписки в древних книгах заключают в себе большой смысл. Обычно переписчик выступал не простым копиистом, выбирая то произведение, которое считал ценным и нужным, вникая в текст по-редакторски, то есть глубже, чем читатель. Он становился знатоком произведения и того, чему оно посвящено. А если списков было несколько, то был и текстологом.

Поэтому примечание, что «Сказание о царствующем граде Москве» «правее всех сказаний», и настоятельная рекомендация «чти сие» намекают на то, что автор не может написать прямо всего, что хотел бы. Он обращается к читателю с призывом догадаться о том, что в нем недоговорено.

Сказание «О создании царствующего града Москвы» с первых же строк ставит в тупик хоть сколько-нибудь знакомого с историей читателя. Вначале указывается хронология события и представляется его персонаж – великий князь Данило Иванович: «В лето 6714 (1206. – *В. М.*) князь вели-

кий Данило Иванович после Рюрика короля римского 14 лето пришед из Великого Новгорода в Суздаль, и в Суздале родился ему сын князь Георгий, и нарече и созда во имя его град Юрьев-Польской. И в том граде церковь велелепную созда во имя святого Георгия Страстотерпца каменную...»

Первая дата – 1206 год – тут же дублируется другой, описательной, – 14 лето «после Рюрика». Но это не дополнение, а противоречие. 14 лето «после Рюрика» – 893 год, между датами – более трех веков. Третью дату позволяет назвать факт, хорошо известный в истории: город Юрьев-Польский основал в 1152 году князь Юрий Долгорукий, а не «великий князь Данила Иванович». И вообще не было на Руси великого князя Даниила Ивановича.

Грубейший анахронизм в датировке, путаница в изложении хорошо известных исторических фактов и включение в повествование сказочного сюжета свидетельствуют о древности сказания, о том, что оно прошло через многие поколения и на этом пути что-то утратило и чем-то пополнилось.

Итак, прислушаемся к совету московского книжника XVII века «чти сие» и прочтем сказание со вниманием. Сказание для лучшего понимания приводится в близком к оригиналу пересказе, с переводом устарелых непонятных слов, но с сохранением тех древних слов и выражений, которые для своего понимания не представляют большой трудности для современного читателя.

Основав город Юрьев-Польский, поехал князь великий

Данило Иванович изыскивати места, где бы ему создати град престольный к великому княжению своему. И взял с собою некоего гречанина именем Василия, мудра и знающа зело и ведающа, чему и впредь быти.

И въехал он с ним во остров, то есть в бор, темен и непроходим зело. В нем же было болото велико и топко. И посреди того болота и острова узрел князь великий Данило Иванович зверя превелика и пречудна: троеглава и красна (красивого) зело.

Спросил князь Василия гречанина:

– Что означает видение сего пречудного зверя?

Василий гречанин ответил ему:

– Великий княже, на сем месте созиждется град превелик и распространится царьствие треугольное, и в нем умножатся различных орд люди. Об этом говорит вид зверя сего троеглавого, различные же цвета окраса шерсти его значат, что от всех стран учнут в нем люди жити.

Данило Иванович, ехав далее, наехал посреди болота на небольшой лесок, в нем же стояла хижина малая, и жил в ней пустынник Букал.

После этого князь великий Данило Иванович с гречанином Василием выехал на гору, а на горе той стоит хижина мала и живет в ней человек, имя ему Подон, исполнен духа святого.

Великому князю понравилось место, и он захотел здесь создать свой престольный град.

– Княже, не подобает тебе здесь селиться, – сказал ему Подон, – здесь будет храм Божий и пребудут архиереи, Бога служители.

(На этом месте в XIII веке был построен Крутицкий монастырь, ставший резиденцией епископов.)

Тогда князь великий Данило Иванович заложил свой стольный град на том месте, где была хижина Букалова, и нарек ему имя – Москва.

Таково сказание о начале Москвы, которое «правее всех сказаний», но при этом сказание-загадка, требующее от читателя не только прочесть его, но еще и разгадать.

Ну что ж, будем думать и рассуждать.

Начнем с выбора времени описанных событий. Первая дата – начало XIII века – явно не может быть датой основания Москвы, потому что Москва как город и крепость уже существовала, о чем имеются летописные свидетельства. Остается вторая дата – конец IX века, когда, как считают современные ученые-археологи, славяне-вятичи начинают осваивать среднее течение Москвы-реки.

И вот тут-то мы подходим к тому, о чем не мог сказать переписчик XVII века, возможно, священнослужитель (хотя, как полагает И. Е. Забелин, мог он быть и «досужим мирянином»). Но, как честный историк, он должен был хотя бы намекнуть, что речь в сказаниях идет о *дохристианских, языческих* временах. В конце XVII века Русская Церковь вела борьбу против проявлений языческих верований, и напо-

минать о них не рекомендовалось.

Князь Данило Иванович не мог ставить церковь, он не был христианином, но поклонялся славянским богам. Видение зверя, предрекающего будущее, – эпизод именно языческого сказания. Узнаваема и фигура зверя «превелика и пречудна, троеглава и красна зело». Это одно из главных славянских божеств Велес – «скотий бог», бог достатка, богатства, творчества, в том числе поэтического дара: в «Слове о полку Игореве» легендарный поэт-певец Боян назван Велесовым внуком. Древние божества могли принимать различные образы, мы об этом хорошо знаем из античной мифологии. Трехглавый зверь – один из обликов Велеса, который в народной памяти сохранялся до самого недавнего времени.

После крещения Руси ряд функций языческих божеств был перенесен на христианских святых. Функции Велеса как покровителя скотины перешли к святым Власию и Василию Великому, что объясняется в основном созвучием имен. Старинное празднество в честь Велеса оставило свой след в обрядах и обычаях праздника Богоявления (7 января по ст. стилю). В этот день совершалось «освящение скота», окропление его святой водой, кормление хлебом, зерном, лепешками, оставшимися от рождественского стола. К этому празднику на Руси повсеместно пекли специальное обрядовое печенье в форме птиц-уточек, коровок, овец, лошадок и другой домашней живности, которое не только ели сами, но и кормили им скотину.

Когда-то все виды этого печенья имели общее название – «*козули*». Настоящая «козуля» представляла собой фантастическое животное с тремя-четырьмя головами на длинных шеях, похожими на козы, и туловищем не с гладкой поверхностью, а с зашипанными гребешками теста, изображающими лохматость шкуры. Поистине: зверь пречуден, троеглав и красен зело. Изначально это, конечно, было изображение Велеса.

Теперь проследим маршрут князя Данилы Ивановича к месту основания Москвы. Сказание описывает подробно только его заключительную часть. Назван один конкретный географический ориентир, существующий и в настоящее время, – Крутицкое подворье «на горах Подонских», то есть на месте хижины Подона, на левом берегу Москвы-реки.

Значит, путь князя пролегал по этому берегу. Начало описываемого пути – лес «темен и непроходим зело». В нем мы узнаем могучий лес, оставивший память в названиях Боровицкого холма, площади, станции метро.

Затем князь выезжает на «болото велико и топко». Это знаменитые Кулишки – большое болото, начинавшееся у подножия Боровицкого холма на нынешней Варварской площади (где стоит церковь Всех Святых на Кулишках) и далее широко раскинувшееся от левого берега Москвы-реки до нынешней улицы Солянки.

Князь Данило Иванович «узрел... зверя превелика и пречюдна», видимо, на Кулишках.

Затем князь наехал «на остров мал» и хижину, в которой жил «пустынник Букал». Кулишки – низина и болото – простирались до Яузы, этот рельеф местности сохранился доныне. Имени Букал нет ни в христианских святцах, ни в гражданском перечне имен, ни в древнем славянском именослове. Значит, это – не имя, а говорящее прозвище обитателя хижины. Его следует расшифровать.

Для этого обратимся к истории заселения устья Яузы, где и кончается болото Кулишки. Здесь с древнейших времен и до конца XVIII века находились известные всей Москве водяные мельницы.

Одной из главных частей мельницы, с которой связано множество преданий, поверий и легенд, было *букалище* – омут под мельничным колесом – место обитания водяного, чертей. В рукописи XVII века сказано, что это «лукавых жилище»: «И кто бо не весть бесов, в омутах и в букалищах живущих?» К тому же в народе крепко держалось убеждение, что мельник, живя в дружбе с обитателями омута, сам не чужд их делам.

Таким образом, скорее всего, князь Данило Иванович наехал на хижину мельника. Это место при первом обозрении ему не показалось подходящим для создания града, и он поехал дальше.

А дальше прямо от Яузы начинается подъем на высокий холм или гору. Хотя, по старинной поговорке, всем известно, что Москва «стоит на семи холмах», так их обычно величают

в торжественных случаях, а чаще называют горами и горками: Воробьевы горы, Ивановская горка и так далее. Холм в устье Яузы называется Красным (тут Краснохолмская набережная Москвы-реки, есть и улица Краснохолмская). Красный холм очень большой, кое-где его прорезают овраги, поэтому отдельные его части имеют, кроме общего, еще и свои названия. Автор сказания был москвичом, и Красный холм он называет горами.

Князь Данило Иванович, поднявшись на вершину холма, проехал довольно значительное расстояние до того места, где стояла хижина мужа «исполнена духа свята» по имени Подон. В сказании это «горы Подонские». Князь, выслушав предсказание мужа свята, что здешнее место предназначено для архиерейского подворья, а не столичного града, повернул назад, к мельнице Букала. Здесь и заложил город в устье Яузы, то есть в том самом месте, на которое указывает Каменевич-Рвовский в своей легенде об основании Москвы Мо-сохом.

Возможность основания древнего города в устье Яузы не отрицают крупнейшие историки. И. Е. Забелин в своем капитальном труде «История города Москвы» пишет: «Должно предполагать, что когда еще не было города – первое здешнее поселение гнездились возле устья Яузы».

«Этот район нашего города, – пишет академик М. Н. Тихомиров, – принадлежит к числу очень древних. Поэтому существование на устье Яузы какого-то городка в отдаленном

прошлом, вероятно, предшествовавшего не только городку Юрия Долгорукого, но и „красным селам“ боярина Кучки, весьма вероятно. При устье Яузы кончался путь от бассейна Клязьмы к Москве-реке. Здесь стояли речные суда, вследствие чего полузатопляемый лужок, примыкавший с востока к Китай-городу (где позже находился Воспитательный дом), даже в XV веке назывался Пристанищем, а гора на правом берегу Яузы, у церкви Николы-Воробино, еще долго называлась Гостиной горой».

Широкомасштабные археологические раскопки, проводившиеся в 1940–1950-е годы в устье Яузы, обнаружили в основном предметы XVI–XVII веков, найдены лишь единичные предметы более раннего времени. Но необнаружение древнейшего городища может говорить не столько о том, что его не было вовсе, сколько о том, что оно было здесь в такие далекие времена, что лопата археолога не достигла тех слоев. Руководитель раскопок известный археолог М. Г. Рабинович осторожно пишет о Яузском городище: «Наличие следов домонгольского культурного слоя говорит о существовании в устье Яузы какого-то поселения еще до монгольского нашествия. Поселение это было, по крайней мере, современным Москве Юрия Долгорукого».

О личности основателя Москвы в устье Яузы определенно можно сказать, что он был князем, вождем, предводителем какого-то племени славян-вятичей и что он привел свое племя на Москву-реку. Дополнительным штрихом служит на-

правление его движения по берегу Москвы-реки с запада на восток: вятичи шли именно с этой стороны. Древность легенды допускает, что имя вятичского князя при устной передаче от поколения к поколению подверглось искажению, забвению и в конце концов было заменено на известное москвичам имя первого князя Московского княжества – Даниила Александровича, сына Александра Невского, когда уже и его княжение стало восприниматься далекой легендой.

Вполне вероятно, что и указанная в сказании дата основания Москвы – 893 год – не совсем точна, вятичи появились на Оке на несколько веков раньше, ученые называют VI–VII века.

Название реки – имя города

В сказании XVII века «О зачале царствующего великого града Москвы» написано: князь великий Юрий Владимирович повелел «соделати мал деревян град и прозва (его) званием Москва-град по имени реки текущая под ним».

Эти строки можно считать первой москвоведческой работой по топонимике Москвы (то есть разделу москвоведения, изучающему названия). В них была найдена форма топонимической справки, которая принята и в настоящее время, как, например, в классическом справочнике П. В. Сытина «Откуда произошли названия улиц Москвы». Вот два объяснения из этой книги:

«Коптево Старое, улица, Коптевский проезд. – Названы в XIX веке по поселку Коптево».

«Аптекарский переулок. Назван по аптекарю Ягану Готфриду, которому Петр I в 1702 г. дал здесь двор под устройство аптеки».

В обоих случаях сохранена формула: *по тому-то*. Но в первой справке П. В. Сытин ограничивается ссылкой на ближайшую причину названия, как это делает и летописец XVII века, а во второй дает развернутое объяснение, поясняющее топоним. Значение слова «Коптево» в справке отсутствует, потому что автор не знал его, как не знаем его и мы сейчас. Можно предположить, что и автор сказания «О зачале цар-

ствующего великого града Москвы» тоже не знал, почему так названа река. Или, наоборот, это было всем так хорошо известно, что не нуждалось в объяснении. Однако более вероятно первое, потому что в те же времена появляется легенда о происхождении названия «Москва» от сложения имен «князя Мосоха и жены его Квы».

Историки первой половины XVIII века сделали попытки научно объяснить значение слова «Москва» путем филологического анализа. В. Н. Татищев, полагая, что название сохранилось от племен, населявших эти места до славян, считает его сарматским: «Имя Москва есть сарматское, значит *крутящаяся*, или *искривленная*, от того, что течением весьма излучины делает, да и внутри Москвы их не скудно». Академик Петербургской академии наук Г.-З. Байер («не зная русского языка», замечает И. Е. Забелин) утверждал, что название Москва значит мужской монастырь и происходит от слова «music», то есть «мужик».

Во второй половине XVIII века известный поэт и драматург А. П. Сумароков предложил свое объяснение: Москва и другие речки и ручьи, на которых стоял город, имели мостки; «от сих *мостков* главная река получила наименование, а от реки – и город». Это мнение разделял И. Е. Забелин.

В XIX–XX веках было выдвинуто более двух десятков гипотез происхождения слова «Москва». Они разделяются на две группы. Исследователи, привлекающие для объяснения языки дославянского населения (угро-финских пле-

мен), предлагают различные варианты перевода: *темная вода*, *медвежья мать*, *река с притоком*, *коровья река*, *щавелевая река*, быстрая и другие. Но наиболее достоверной считается вторая версия, по которой в основе названия лежит славянский корень «моек», выражающий понятие «*влага*, *сырость*», в настоящее время он сохраняет свое значение в выражении «промозглая погода», то есть сырая. А слово «москва» на диалекте племени вятичей, как полагают исследователи, значит «река» (у другого славянского племени – кривичей река, как считают, называлась «вълга» (в современном русском языке имеется корень «влага»), поэтому своей реке они дали имя Волга).

Несмотря на обилие гипотез, среди них нет такой, которая убедила бы всех, поэтому время от времени появляются новые. В разных языках обнаруживаются слова, напоминающие по звучанию слово «москва», – и сочиняются легенды.

Московский писатель Дмитрий Еремин в 1955 году написал исторический роман «Кремлевский холм» об основании Москвы, Юрии Долгоруком и боярине Кучке. В этом романе есть эпизод: старик поет былинку про то, откуда Москва-река стала так называться. Рассказывается в былинке, как стал богатырь Илья Муромец стар, почувствовал приближение смерти и поехал из Киева в родные места помирать. Но не доехал до Мурома, скончался по *пути*, на берегу большой реки. Похоронили его на этом месте, насыпали холм, поставили на нем часовенку, и тут из-под холма слышали люди

голос богатыря:

Будто вздох дошел: «Надо мощь ковать!»

И второй дошел – только: «Мощь кова...»

В третий раз дошел – только: «Мос... кова».

Так и стала зваться река: Москва.

Конечно, будут еще появляться новые гипотезы, родятся новые легенды. И сколько ни повторяй распространенную и ныне поговорку: «И кто про то знал, что Москве царством быти, и кто ведал, что Москве государством слыти?» – все равно останется желание и стремление прочесть первую страницу истории Москвы и проникнуть в ее первые тайны.

Москва **первопрестольная**

Столичные города, имеющие за собой века и тысячелетия исторического пути, нередко входят в историю под названием, составленным из собственного названия города и постоянного, индивидуального определения-эпитета. Таково на-

звание столицы Древнего Египта – Стоватрные Фивы. Тако-
во название Древнего Рима – Вечный город. Рим получил
постоянный эпитет «Вечный город» две тысячи лет назад и
сохраняет его доныне.

Такие эпитеты имеют символическое значение. Они опре-
деляют глубинные духовные и исторические основы города,
они прорицают его судьбу. Эти эпитеты утверждаются на-
родным мнением многих поколений. Народное самосозна-
ние и народная память чувствуют и угадывают в них непре-
ходящую историческую истину, поэтому и сохраняются они
века и века.

Москва тоже имеет постоянные эпитеты. Владимир Ива-
нович Даль называет их «почтенными прозвищами» Моск-
вы. Они известны давно и широко, вошли в народные пес-
ни и пословицы, в стихи поэтов и сочинения прозаиков, о
них пишут ученые, им посвящаются конференции (послед-
нее говорит о глубине и обширности заключенного в них со-
держания и смысла).

Вот эти «почетные прозвища» Москвы:

*Москва первопрестольная,
Москва белокаменная,
Москва златоглавая,
Москва – Третий Рим.*

Своеобразие и уникальность Москвы, дающие ей право
на место в ряду мировых великих исторических городов, об-

разуют именно те ее качества, которые стоят за этими эпитетами. Взятые вместе, они создают целостный образ Москвы, характеризуя ее непреходящие духовные, градостроительные основы, место и историческую роль в отечественной и мировой цивилизации.

Первый по хронологии судьбоносный эпитет – *Москва первопрестольная* – столица России обрела в XIV веке, когда она еще не была столицей, но в нем уже прозвучало предчувствие ее будущего.

Произошло это в княжение московского князя Ивана Данииловича, прозванного Калитой. Иван Калита из первых московских князей (до него правили его отец Даниил Александрович и старший брат Юрий Даниилович) особо отмечен народной памятью и в народной памяти до настоящего времени выступает символом древней истории Москвы. В. Я. Брюсов, говоря о многовековой истории Москвы, в стихотворении «Парки в Москве» пишет, что она начинается «от Ивана Калиты»:

*Нити длинные, свивавшиеся
От Ивана Калиты,
В тьме столетий затерявшиеся,
Были в узел завиты.*

Современные архитекторы и строители, оправдывая снос старинных московских зданий, обычно выдвигают такой аргумент: «Если не ломать, так и жили бы в избах, как при

Иване Калите!»

Ивану Данииловичу было около тридцати лет (точная дата его рождения неизвестна), когда в 1325 году, после смерти брата Юрия, он занял престол московского князя.

Время, в которое он стал князем, было сложное и трудное для Руси. Уже век она находилась под татаро-монгольским игом, и ханы – правители Золотой Орды неусыпно следили, чтобы разоренная, примученная Русь не могла подняться и оказать сопротивление захватчикам. Только с разрешения хана русский князь мог стать правителем своего княжества – на это хан давал специальный разрешительный документ – ярлык. Также ханским ярлыком назначался старший над русскими князьями – великий князь. Главным среди северо-восточных княжеств Руси по традиции считалось Владимирское, поэтому великий князь, где бы он ни жил, именовался Владимирским, хотя к тому времени Владимирское княжество уже утратило свое прежнее политическое и экономическое значение.

Татары, чтобы предотвратить сопротивление, ужесточали давление на русских князей, но и сами князья в борьбе за ярлыки выслуживались перед ханом, строили козни друг другу и воевали между собой. Ивану Данииловичу под рукою старшего брата уже приходилось исполнять разные поручения по управлению княжеством, вести переговоры, руководить в бою московской ратью. Юрий имел два ярлыка: на Московское княжество и на великое Владимирское княже-

ние. Похоронив старшего брата, Иван Даниилович поехал в Орду в надежде получить оба ярлыка. Но хан выдал ему ярлык только на Москву, на великое княжение Владимирское ярлык получил тверской князь Александр Михайлович.

Решение хана не обескуражило Ивана Данииловича. Он взялся за обустройство Московского княжества, имея в виду с течением времени добиться и великого княжения. Князь Иван Даниилович вошел в историю под именем Ивана Калиты. Н. М. Карамзин нашел документальное подтверждение тому, что прозвище это князь получил еще при жизни. Историк обнаружил харатейный (написанный на харатье – выделанной телячьей коже) «требник» (сборник молитв, употребляемых при богослужении) с надписью, датированной 27 августа 1329 года, что эта книга переведена с греческого языка на русский «по повелению же Великого Князя Иоанна Данииловича, по реклу (то есть прозвищу. – В. М.) Калиты».

Калитой в Древней Руси назывался кошель для денег, носимый на поясе. Предания, записанные в XVI веке, объясняют, что Ивана потому называли Калитой, что он «бе бо милостив зело и ношаше при поясе калиту всегда насыпану сребряниц и, куда шествуя, даяше нищим сколько вымется». Но думается, что прозвище было дано ему современниками не только за нищелюбие, но и за политику, которой придерживался князь, считавший, что лучше откупаться от врагов и неприятностей, чем воевать.

Это была действительно целенаправленная и осознанная

политика, потому что Иван Даниилович был храбрым и умным воином и, если уж брал в руки оружие, ни разу не терпел поражения.

Высокую и благодарную оценку княжение Ивана Калиты получило уже у его современников. Став московским князем, Иван Калита первым делом позаботился о личной безопасности москвичей. Это было очень мудрое и дальновидное решение. Размышляя о взаимоотношении народа и власти, Н. М. Карамзин пишет, что первое и главное условие их договора, при котором народ соглашается признать права власти над собой, – обеспечение властью безопасности народа и его имущества от врагов. Для этого вече приглашало князей в Новгород и Псков, при исполнении такого условия народ поддерживал князя, а при неисполнении – в вольном Новгороде изгонял, а в других княжествах в трудную минуту междоусобной войны не вставал на его защиту, а предоставлял его собственной судьбе. Карамзин пишет, что «личная безопасность есть первое для человека благо», «без нее жизнь наша, среди всех иных способов счастья и наслаждения, есть вечное мучительное беспокойство».

Две опасности в то время угнетали москвичей, держа их в постоянном страхе: татары и разбойники, разбойники и татары.

Как и всякое русское селение, Москва страдала от татарских сборщиков дани – баскаков. Они приезжали каждый год с большим отрядом воинов. Баскаки собирали дань для

хана, а воины просто грабили жителей. Поэтому ежегодный сбор дани был почти то же, что военный набег.

Когда власть состоит из грабителей – а такими и были хан, его мурзы и баскаки, – то в стране, над которой они властвуют, раздолье вора и разбойникам. Московское княжество кишело ими, они держали людей в постоянном страхе. Так и жили москвичи – не хозяева ни своей жизни, ни имущества: что татарин не найдет, то вор отыщет, что баскак не заберет, то разбойник отнимет.

Работа, дающая достаток, теряла смысл, люди нищали, поля пустели, купцы не решались ездить по опасным дорогам. Видя все это, Иван Калита выговорил у хана право самому собирать дань в своем княжестве, обещав платить больше, чем привозят баскаки. Хан охотно согласился. Но даже такая увеличенная дань была легче для москвичей, потому что избавляла их от ежегодного грабежа.

Суровыми мерами извел Иван Калита под корень и воров, и разбойников, ибо если правитель хочет изничтожить преступность в своей стране, то это в его силах. О княжении Калиты летописец записал: «Бысть оттоле тишина велика на 40 лет, и престаша погании воевати Русскую землю и закалати христиан, и отдохнуша и упочинуша христиане от великия истомы и многыя тягости и от насилия татарского». А далее – отметил и искоренение внутренних преступников: «Исправлена Русская земля от татей и разбойников».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.